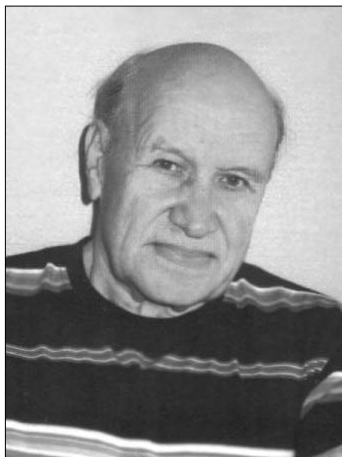

СТАНИСЛАВ ГОРОХОВ

И ДВАДЦАТЬ ЛЕТ
ВОТ ТАК МЕНЯ МОТАЛО...

* * *

Просто так — понимаете? — просто
я под топодем в полночь стоял.
В сетке прутьев ерошились звёзды.
Может, мать я свою вспоминал,
грелся мягкостью светлого мрака...
И внезапно — вон там, в вышине, —
словно дождик легонько закрапал!
Или это почудилось мне?
Бездна космоса тлела над нами,
напряженьем беззвучья дразня.
Треск по сучьям катился волнами:
тополь вроде стеснялся меня...
И теперь, когда скрючит усталость,
ненароком да вспомнится мне,
как на топоде листья рождались
майской ночью, в густой тишине.

В “Нашем современнике” стихи Станислава Горохова, строителя Красноярской ГЭС, были опубликованы Юрием Кузнецовым трижды, в 1998—2000 годах. Поэт издал две книжки стихотворений: одну — в Красноярске в 1978 году, вторую — в Москве в 2014 году.

* * *

Как женщина предродового срока,
тиха, сосредоточенна тайга.
Она сейчас, что мощная река,
полным-полна бунтующего сока!
Как бакены, помаргивают звёзды,
колышутся упругие стволы,
и волны свежести ночной — теплы,
чист по-младенчески смолистый воздух.
И дарит ощущение свободы
корней и трав пружинящий настил!
И сам ты, полный зрелых, тихих сил,
всплываешь в августейшие годы...

* * *

Да будет свят гостиничный уют:
щелястое окно, сухой санузел...
И пусть галдят за стенкой, водку пьют —
сухой закон не выдюжил в Союзе.
Есть кипяtilьник? Заведи чаёк!
Глядь, закипел стакан водицы волжской.
Грустишь без ласки, жалок, одинок?
Как милостыню просят? Душу — горсткой?..
Ах, урожай рябины в этот год —
аж весь откос над Волгой пламенеет.
И лёд блестит. И мокрый снег идёт.
И с каждым мигом прошлое — длиннее!
...Плечами раздвигая снегопад,
ты долго бродишь по сквозной аллее.
Пожить ещё? Родился невпопад!..
Да-да, пожить... Но только — посмелее.

БЕРЁЗОВЫЙ ЛИСТОК

Люблю уютность “ЗИЛовской” кабины!
К стеклу прилип берёзовый листок...
На ГЭСе — дома — мощные турбины
из Енисея выжимают ток,
а мы за хлоркой мчим в командировку:
шофёр да я, да лёгкая душа —
девчонка с торопливою сноровкой,
попутчица, курноса и рыжа.
Прослушали историю простую:
сиротство, интернат, потом тюрьма.
И — мужики, гужом, напропалую!
Любила ли? Не знает и сама.

* * *

Как я любил романтику снабженья
(азарт добычи, гон, адреналин!),
когда успех приносит ощущение,
что ты герой, почти что исполин...
“Того, сего нехватка на заводе!
Достать немедленно! А иначе, не...”

И вот в грузовике иль в самолёте
ты мечешься по краю, по стране:
дороги, базы, города, вокзалы,
гостиницы — всё чаще, всё быстрее!
...И двадцать лет вот так меня мотало
по всем дорогам родины моей.

* * *

У трассы опять повстречалось селенье —
живых не видать и не пахнет дымком.
У бывшей околицы тонкое деревце
стоит, бедолага, в снегу босиком.
Сугробом по пояс его обметало.
Я к деревцу в снежной трясине иду,
за ветки беру, осыпая кристаллы —
и чувствую, чувствую рук теплоту...